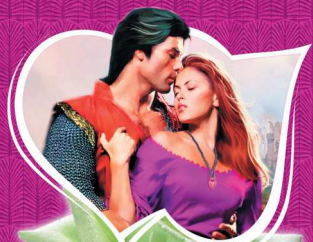

ДОННА ГРАНТ

ОПАСНЫЙ
ГОРЕЦ

Донна Грант
Опасный горец
Серия «Темный меч», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062736
Опасный горец: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085059-4

Аннотация

Лукан Маклауд – грозный шотландский воин – много лет пробыл в заточении. Наконец ему удалось вырваться на свободу, и теперь настало время для беспощадной мести врагам. Отныне Маклауда назовут дьяволом, демоном во плоти, и никому не удастся уйти от его карающего меча.

Никому, кроме прекрасной Кары, которую он похищает и держит пленницей в своем замке.

Эта девушка – воплощенная мечта Лукана, сумевшая покорить его сердце и возродившая в нем давно угасшее пламя любви.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Донна Грант

Опасный горец

Роман

Предисловие

Когда-то давным-давно была на свете земля-легенда, земля-знание. Земля, пропитанная магией и надеждой. И хотя кельтские племена воевали между собой, с приходом римлян на их территорию междуусобицы прекратились.

Могущественная Римская империя, стремящаяся править миром, мало-помалу завоевывала Британию, пока не достигла Высокогорья и не встретилась с невиданным доселе грозным противником. Но несмотря на все свои победы, кельты никак не могли прогнать римлян со своих земель. И тогда, исчерпав все средства, они обратились к своим верным советчикам и союзникам – друидам.

Уважаемые и почитаемые, друиды представляли собой обособленное сообщество. Они черпали свою магию прямо из земли, но были и такие, которые жаждали большего, – больше могущества, больше власти... больше всего.

Поэтому друиды неизбежно раскололись на два лагеря. Маи остались верны своей магии и продолжали исцелять больных и предлагать свое знание вождям кланов. Драу, однако, дабы достичь большего могущества, избрали черную магию и человеческое жертвоприношение.

Но именно драу были теми, в ком нуждались кельты.

Маи предостерегали вождей кланов против использования черной магии, но кельты понимали, что их власть над римлянами ослабевает. Поэтому они выбрали из своих рядов самых сильных и свирепых воинов и позволили драу заколдовать их и вызвать злых духов, давно погребенных в преисподней, – духов, которые когда-то правили землей при помощи жестокой и грубой силы.

Но зато они были единственными, кто мог одолеть римлян.

Освобожденные наконец, злые духи с готовностью откликнулись на призыв друидов и вселились в самых свирепых воинов всех кланов. Эти воины при помощи живущих в них злых духов нападали на всех римлян без разбору. Битва следовала за битвой, пока наконец римляне не покинули Британию.

Однако злые духи все еще жаждали крови, все еще хотели сражаться. С уходом римлян воины обратили свою кровожадность друг на друга... и всех, кто попадался им на пути. Реки и земля окрасились кровью кельтов, воздух пропитался запахом смерти.

Драу, обнаружив, что их магия тут бессильна, объединили силы с маи. Но даже общими усилиями друиды не могли загнать злых духов обратно в их узилище в аду. Духи ни за что не желали освободить воинов от своей власти, становясь сильнее с каждым ударом сердца, каждым убийством, пока бойцы окончательно не утратили свою человеческую сущность.

Впервые после раскола был созван совет друидов. Магия буквально пульсировала в воздухе, пока они, на время позабыв о своих разногласиях, силились отыскать способ помочь кельтам. Но никакие магические силы не могли освободить тех от заклятия.

Так и не сумев отправить злых духов обратно в преисподнюю, друиды объединили белую и черную магию и придумали заклинание, которое связало злых духов, надежно «заморозив» их в телах хозяев. Воины вновь превратились в людей, которыми когда-то были, и стали жить дальше, начисто позабыв о тех зверствах, которые совершили.

Однако, оставаясь внутри воинов, злые духи выжидали. Они переходили от одного к другому, передаваясь из поколения в поколение, навечно став семейным наследием.

Так родились Воители.

Друиды, зная, что сотворили и что произойдет в будущем, все время держались рядом с Воителями, присматривая за ними, наблюдая. Даже когда вера друидов, являющаяся самой их сущностью, вынуждала скрываться из страха быть убитыми, они все равно оставались поблизости и были начеку. Ведь на карту была поставлена судьба всего человечества.

Истинная история ухода римлян из Британии со временем позабылась. С каждым пересказом она обростала все новыми легендами и мифами. И только друиды знали правду.

Но вот однажды одна женщина-драу нашла спрятанные свитки. Жадная до власти больше других, Дейдрэ вознамерилась освободить злых духов и управлять ими. Это обеспечивало ее армией, которая была необходима, чтобы править миром и стать богиней, перед которой все будут трепетать.

В свитках, однако, значился лишь один клан – клан Маклаудов.

Что ж, с него она и начнет...

Глава 1

*Западное высокогорье Шотландии
Весна 1603 года*

– Да ты, никак, рехнулась, ей-ей.

Кара поправила корзинку, висящую на руке. Резкий порыв ветра с моря растрепал заплетенные в косу волосы и швырнул их в глаза. Она заправила прядь за ухо и улыбнулась Ангусу. Во рту у него был только один зуб, а то небольшое, что осталось от волос, стояло дыбом, трепыхаясь под порывами остервенелого ветра.

– Ничего со мной не случится, Ангус. Тут же совсем близко, рукой подать. Зато лучших грибов не найти во всей Шотландии.

– Держись подальше от замка, девочка. В нем полно призраков. И чудовищ. – Он погрозил ей шишковатым пальцем, и его белые кустистые брови озабоченно сдвинулись.

Ангус мог бы и не напоминать ей. Все в клане Макклур знали о замке Маклаудов. Истории о том, как весь клан был в одночасье уничтожен, передавались из поколения в поколение в течение нескольких веков. Сказками о призраках, которые неприкаянно бродят по земле и замку, пугали маленьких детей.

Но боялись не только они. Даже взрослые божились, что видели мелькающие тени внутри темного и мрачного замка Маклаудов.

Никто не осмеливался приближаться к старым руинам из страха быть съеденным заживо. Нагнетали ужас еще и какие-то странные, дикие звуки, очень похожие на вой, которые доносились из старой крепости в глухие ночные часы.

Кара глубоко вдохнула и повернулась, чтобы посмотреть на замок. Он гордо возвышался, мрачный и зловещий, среди надвигающихся темных туч. Посреди ярко-зеленой весенней травы то тут, то там торчали камни и обломки скал, и замок на фоне темно-синего моря казался какой-то фантастической декорацией. Перед ним стояли две соединенные между собой башни, которые когда-то служили воротами. Но те сгорели во время нападения на замок, и вместо них теперь зиял голый проем.

Крепостная стена, которая имела в ширину не меньше двенадцати футов, каким-то чудом еще стояла с почерневшими от огня камнями, поломанными в некоторых местах зубцами и осыпающимися амбразурами. Шесть круглых башен устремлялись в небо, но только у одной из них потолок оставался целым.

Каре хотелось бы заглянуть в замок, но у нее никогда не хватало смелости. Боязнь темноты и притаившихся в ней неведомых существ удерживала ее от этого шага.

– Неужели ты веришь старым сказкам? – спросила она Ангуса. – Нет там никаких призраков. И никаких чудовищ.

Тот покачал головой:

– Ты ошибаешься, Кара. Попомни мои слова, девочка: если приблизишься к этим развалинам, мы больше никогда тебя не увидим.

– Обещаю, что не пойду в крепость, но мне придется подойти к ней поближе, чтобы набрать там грибов. Сестре Абигайль они нужны для снадобья.

– Так пускай добрая женщина сама и идет за ними. Она монашка. А ты одна из нас, Кара, и хорошо знаешь, что рассказывают про Маклаудов.

– Ну конечно. – Она не стала ничего говорить о том, что не принадлежит к клану Макклуров. Это один из ее секретов, которые Кара утаивает от клана, который нашел и взял ее к себе, когда она, еще совсем малышка, одна скиталась по лесу. Нет, она не Макклур, но девушка не поправила Ангуса, одного из своих немногих друзей. Так приятно ощущать себя

частью этого клана, пусть на самом деле это не так. Даже среди монашек, которые вырастили ее, она не чувствовала себя по-настоящему своей. Они, конечно, прекрасно к ней относятся, но это не то же самое, что родительская любовь.

Нет, Кара вовсе не винит никого из клана Макклур за то, что никто из них не взял ее к себе в дом. Когда монашки нашли ее, она уже несколько дней скиталась по лесу голодная, грязная и босая и все еще настолько потрясенная смертью родителей, что отказывалась разговаривать. Вряд ли кому-то хотелось знать, что те пожертвовали собой, чтобы спасти ее, свое единственное дитя.

Как большинство горцев, Макклур суеверны и побаиваются Кары и тех обстоятельств, которые вынудили ее бежать из дому. То же самое чувство заставляет их обходить стороной развалины крепости, возвышающейся на скалах. Бросив еще один взгляд на Ангуса и его нахмуренный лоб, она подхватила юбки и повернулась к древним руинам, не обращая внимания на холодок дурного предчувствия.

Слова ее друга вскоре потонули в шуме ветра и птичьих криках. Кара то и дело с опаской поглядывала на грозные черные тучи, быстро надвигающиеся с моря. Если повезет, она вернется в монастырь до того, как упадет первая капля дождя.

Она зашагала вперед, наслаждаясь свежим ветром и слушая крики чаек, гнездящихся на скалах. Со дня весеннего равноденствия и своего восемнадцатилетия с ней стали происходить какие-то странные вещи. Кара теперь постоянно чувствовала какое-то странное... покалывание... в пальцах. Потребность прикоснуться к чему-нибудь переполняла ее. И все же она боялась этого ощущения, поэтому держала руки при себе и всеми силами старалась не обращать внимания на эту потребность. Если она станет еще больше отличаться от других, едва ли Макклур или даже терпеливые монашки станут ее терпеть.

Деревня клана Макклур была построена недалеко от старого замка Маклаудов. После резни другие кланы быстренько разделили земли Маклаудов, и Макклур были одними из первых.

Это была печальная история, и всякий раз, глядя на замок, Кара волей-неволей задавалась вопросом, что же произошло на самом деле. Маклауды были великим кланом, которого боялись и уважали, и вдруг они оказались уничтожены за одну ночь. Однако никто не взял на себя ответственность за это преступление.

Холодок страха пробежал по ней, когда она вспомнила жуткий вой и пронзительные крики, которые порой слышала по ночам. Она говорила детям в монастыре, что это просто ветер гуляет по морю и носится среди руин. Но в глубине души знала правду.

В замке есть что-то живое.

Чем ближе она подходила к старому зданию, тем больше боялась. Она повернулась спиной к развалинам, ругая себя за то, что дала волю своему страху. Опасаться совершенно нечего, ведь сейчас день. А настоящий ужас одолевает ее только во мраке ночи.

Кара на секунду прикрыла глаза и отогнала прочь свой испуг. Возглас удивления сорвался с ее губ, когда ожерелье, которое она всегда прятала под платьем, вдруг стало теплым.

Она вытащила его из-под воротника и воззрилась на крошечный сосуд и серебристый узел, обвязанный вокруг него. Украшение принадлежало ее матери, и это последнее, что та вручила Каре перед своей смертью.

Кара выпустила ожерелье из руки и прерывисто вздохнула. Мама заклинала никогда не расставаться с ним, хранить как зеницу ока. Кара не могла без содрогания думать о той ночи, когда умерли ее родители. Слишком тяжкий груз вины и гнева наваливался на нее при мысли, что люди, которые любили ее всем сердцем, отдали свои жизни, чтобы их дочь могла жить.

Она посмотрела под ноги и увидела грибы, за которыми пришла сюда. Никто не знает, почему они растут только вдоль тропинки к замку, и мало кто осмеливается приходить сюда их собирать. Некоторые утверждали, что грибы эти волшебные, и хотя Кара никогда никому не призналась бы, она тоже была почти уверена в этом. Сегодня она вызвалась пойти за ними, потому что сестре Абигаиль необходимо было приготовить снадобье для малышки Мэри.

Кара любила возиться с детьми. Это доставляло ей удовольствие и радость, ибо она знала, что у нее никогда не будет своих малышей. Ее решение стать монашкой было разумным и правильным. И все же порой она чувствовала... неудовлетворенность. Это случалось всегда, когда Кара видела в деревне какую-нибудь семейную пару и гадала, каково это – ощущать прикосновение мужчины; что такое – принести дитя в этот мир и смотреть в любящие глаза супруга.

«Прекрати, Кара».

Да, ей лучше остановиться. Подобные думы лишь приносят грусть о том, чего никогда не может быть, и душевную боль из-за смерти родителей.

Она стала собирать грибы, наслаждаясь одиночеством, каковое ей редко выпадало в монастыре. Мысли ее блуждали, как часто бывало, пока она аккуратно срывала грибы и складывала их в корзину.

И только когда та почти наполнилась, а большая туча закрыла солнце, Кара подняла глаза и с испугом обнаружила, что подошла слишком близко к развалинам – так увлеклась своим занятием и своими грезами, что не обращала внимания, куда идет. И сколько времени уже находится здесь. И теперь, оказавшись у замка, она, заинтригованная, совсем позабыла о надвигающейся грозе.

... Даже спустя триста лет камни все еще носили на себе шрамы от сражения и пожара. Сердце Кары болело за всех, кто погиб тогда. Никто так и не узнал, почему клан был уничтожен. Тот, кто напал, не пощадил никого, даже младенца. Весь клан Маклаудов был стерт с лица земли за одну ночь.

... Она поежилась, словно могла слышать пронзительные крики сражавшихся людей и гул бушующего вокруг нее пожара. Кара понимала, что все это происходит лишь в ее воображении, но не могла стряхнуть с себя сковавший душу ужас. Кровь заледенела, страх царапал сердце, умоляя бежать.

И все же она не сдвинулась с места.

Кара заморгала и заставила себя оторвать взгляд от замка, чтобы успокоить колотящееся сердце, когда ожерелье снова стало нагреваться. Оно стало таким горячим, что ей пришлось снять его, держа за кожаный шнурок двумя пальцами. Никогда раньше она не боялась этого украшения и редко снимала его с тех самых пор, как мама повесила его ей на шею. Однако после дня весеннего равноденствия с ожерельем стало происходить что-то странное. Выглядело оно вроде бы как и прежде, но что-то явно изменилось.

Вдруг сильный порыв ветра налетел на Кару. Стало нечем дышать, и она уронила корзину, пытаясь убрать волосы, залепившие лицо.

– Нет! – пронзительно закричала она, когда материнское ожерелье было вырвано бешеным порывом ветра из ее рук.

Кара побежала за ним – за этой бесценной и единственной ее связью с родителями, когда то, подпрыгивая, покатилося по каменистой земле и вдруг остановилось у скалистого обрыва.

С колотящимся в горле сердцем и с тем же странным покалывающим ощущением в пальцах она бросилась к ожерелью, когда первая крупная капля дождя шлепнулась ей на руку. Ветер внезапно сделался шквальным. Кара вскинула глаза и увидела, что гроза будет даже сильнее, чем она ожидала. Под завывания стихии она подобралась чуть ближе к украшению.

Зигзаг молнии расколол небо за мгновение до того, как оно разверзлось и обрушилось на нее проливным дождем. После нескольких дней почти непрерывных дождей земля пропиталась влагой и уже больше не принимала воду.

Кара плюхнулась на четвереньки, не обращая внимания на грязь, и подползла к ожерелью. Слезы потекли по щекам, смешиваясь с дождем.

«Пожалуйста, Господи, пожалуйста! Не дай мне потерять ожерелье!»

Ей вообще не надо было снимать его, чтобы не подвергать опасности дорогую сердцу вещь, которую мама носила на груди. Образ родителей промелькнул перед мысленным взором Кары, вновь напомнив, как она одинока, как незащищена в этом мире.

– Без ожерелья я не уйду! – прокричала она ветру. Мама доверила единственную ценную вещь дочери, умоляя беречь ее пуще ока. Она не подведет свою мать. Никогда.

Лукан Маклауд стоял, устремив взгляд на окружающий пейзаж, который полюбил, еще будучи мальчишкой, когда впервые осознал, что это за земля. Он прислонился плечом к краю узкого окна своей комнаты в замке, которое выходило на юг, и из него хорошо были видны скалы и море.

Ему никогда не могла наскучить суровая красота Высокогорья, катящиеся волны, разбивающиеся о скалы. Было что-то удивительное в запахе моря, смешивающегося с ароматами вереска. Эта земля утихомиривала бушующую у него в душе ярость, как ничто другое.

Это горы. Его горы. И он любит их.

Чего он не переносит, так это сидеть безвылазно в четырех стенах, как в ловушке. Но именно так и происходит с тех пор, как они с братьями вернулись домой больше двух сотен лет назад.

Теперь это их жизнь. И он ее терпеть не может.

Сколько раз Лукан бесился из-за невозможности покинуть крепость? Сколько раз он бранился, охваченный яростью из-за того, что произошло с ним и его родными? Сколько раз молил Бога надоумить его, как освободиться от этой мрачной пытки, которая разъедает душу?

Но Бог не слышит. Никто не слышит.

Они обречены прятаться от мира, отстраненно наблюдая, как стремительно летит время, меняя все вокруг них. А их удел – тоскливое, одинокое, бессмысленное существование. Именно существование, а не полноценная жизнь.

Лукан на мгновение прикрыл глаза, вспоминая, как было до того, как их судьба, словно стеклянный сосуд, разбилась на мелкие осколки. Когда-то давным-давно он стоял возле этого самого окна, глядя на близких людей, слушая детский смех, доносящийся сквозь шум морского прибоя. Теперь это казалось сном, который, казалось, таял с каждым проходящим днем, с каждым ударом сердца.

Как сын лэрда, Лукан никогда ни в чем не нуждался, будь то изысканная еда, дорогое вино или общество слабого пола. Женщины всегда любили его, и он охотно позволял им это.

Он воспринимал их прикосновения, их улыбки, их тела как должное. Теперь же единственное, чего ему хотелось, – это почувствовать под собой женщину. Он уже забыл, каково это – ощущать, как льнут к нему мягкие изгибы женской плоти, как влажный жар окутывает, затягивает его в свои глубины.

Бывали минуты, когда его плотская жажда становилась такой невыносимой, что его одолевала мысль немедленно покинуть замок и найти себе какую-нибудь девушку. Но одного взгляда на братьев хватало, чтобы вспомнить, почему они заперлись здесь, почему не допускают, чтобы их увидели.

Лукан и его братья опасны. Не для себя, но для всех остальных. Где-то там притаилось великое зло, и оно ждет, чтобы использовать их.

Больше двухсот лет заточения в замке. Но что еще им остается? Нельзя, чтобы их видели такими, какие они есть, чудовищами, которыми они стали. Как средний сын, он всегда был поддержкой для своих братьев. Скала, твердая и надежная, скрепляющая их всех вместе, как говорила их мать. Лукан не позволял себе думать, во что превращаются он и его душа.

Фэллон, старший брат, серьезно воспринимал роль наследника клана. Все, что он делал, все, о чем он думал, было только ради клана. А когда его не стало, он не знал, что с собой делать. Имея внутри себя зверя, который постоянно требовал укрощения, и не в силах изменить то, что произошло, он стал топить свое горе в вине.

Что касается Куина, младшего брата, то зверь едва не отнял его у них. Лукан фыркнул. «Зверь» – не совсем правильное слово. Внутри их нет никакого чудовища. Это первобытный злой дух, изгнанный в преисподнюю. Аподату, дух мести, живет в каждом из трех братьев Маклауд – настолько древний, что о нем не сохранилось ни записей, ни преданий. И он страшнее любого зверя.

Всякий раз, когда Луканом овладевало подобное уныние, как бывало часто в дождливую погоду, он уединялся в своей комнате. У братьев и без того тревог хватает. Не надо им видеть, как он сражается со своими демонами. Конечно, можно целый день вот так хандрить и упиваться жалостью к себе, но нельзя. Он нужен братьям.

Лукан сделал глубокий вдох и начал было отворачиваться от окна, когда что-то внезапно привлекло его взгляд. Он прищурился, когда заметил нечто такое, от чего захватило дух. Это была женщина, точнее, юная девушка с изумительной фигурой, которая осмелилась подойти настолько близко к замку, что он мог видеть прелестные черты ее хорошенького личика. Хотелось бы ему разглядеть цвет глаз девушки, но достаточно и того, что он видел ее полные губы, которые молили о поцелуях, высокие скулы, порозовевшие от ветра.

И толстую темную косу, спускающуюся до талии. Что бы он только не отдал, чтобы увидеть эти волосы распущенными и рассыпавшимися по плечам. Лукан стиснул руки в кулаки, представив, как его пальцы проходят сквозь густые пряди.

Платье ее было простым и поношенным, но оно не скрывало тонкой талии и высокой груди. Она двигалась свободно, явно привычная к таким вот прогулкам на природе. Мягкий изгиб губ, когда она смотрела на море, затронул что-то в его душе. Казалось, незнакомке хотелось полететь на крыльях ветра.

Она собирала грибы не спеша, осторожно и бережно укладывая их в корзинку. Когда же устремила взгляд на замок, во взоре ее была печаль, словно она знала, что здесь произошло.

Что-то в сердце у Лукана сдвинулось, сместилось, призывая его узнать эту девушку. Чем дольше он наблюдал за ней, тем сильнее она его интриговала.

Никто не осмеливался подходить так близко к крепости, тем более смотреть на нее с таким любопытством. Если бы Лукан знал, что рядом живет такая красотка, то мог бы оставить замок, чтобы отыскать ее.

Не обращая внимания на порывы ветра, он прищурился и увидел, как она внезапно вскрикнула, выронила корзинку и погналась за чем-то в сторону обрыва. Грянул гром, и зигзаг молнии осветил потемневшее небо. Снова гроза, снова дождь.

– Что ты делаешь? – спросил младший брат Куин, входя в комнату и вставая рядом с Луканом. Он выглянул в окно. – Господи помилуй. Она что, ненормальная?

Тот покачал головой.

– Она собирала грибы. Потом зачем-то побежала к обрыву.

Куин зарычал, ибо его ярость всегда была где-то поблизости, наготове:

– Глупая девка. Она же упадет и убьется!

Лукан не стал мешкать, когда его обостренный слух уловил смещение в земле. Он проскочил мимо брата, выскочил из комнаты, промчался по коридору и, перемахнув через

перила, оказался сразу на первом этаже. Приземлился в большом зале, согнув колени и упершись руками в пол для равновесия. Кожу его покалывало, когда живущий в нем дух стал набирать силу.

– Лукан, ты куда?

Не было времени объяснять Фэллону, старшему из них, что у него на уме. Жизнь девушки в опасности. Он выбежал из замка, не обращая внимания на дождь и ветер, и проскочил под тем, что осталось от замковых ворот, когда услышал ее панический крик. Земля под ней стала оползать и осыпаться. Он подпрыгнул в воздух и приземлился в нескольких шагах от нее ровно в то мгновение, когда рука ее схватила ожерелье и земля начала уходить из-под ног.

Лукан нырнул вперед и ухватил ее за запястье, прежде чем она чуть не полетела на камни внизу. Ноги ее повисли над обрывом, и она заморгала, глядя на него своими темными, расширенными от страха глазами.

– Держись! – прокричал он сквозь грохот бури.

Ее грязная и мокрая рука выскользнула из его руки, ноги лихорадочно пытались отыскать опору в скале. Она вскрикнула, ее слезы смешались с дождем.

– Пожалуйста! – закричала она. – Не отпускайте меня!

Лукан, собрав все силы, начал вытаскивать ее, когда земля снова стала оползать, и продолжал держать, хотя сам уже скользил к краю. Еще секунда, и они оба полетят вниз, но тут его пальцы ухватились за камень.

Он заглянул через край на девушку. Ему придется подбросить ее вверх, это единственный способ ее спасти, но если он так сделает... она сразу поймет, кто он такой.

– Я падаю!

Невозможно было ухватиться лучше, не уронив ее, но если он сейчас же что-то не предпримет, она выскользнет из его рук. Он схватился покрепче, но чем больше боролся за то, чтобы не выпустить ее, тем больше та соскальзывала.

А в следующий миг его рука уже держала пустоту.

Ее крик эхом отозвался в нем, скрутив внутренности в узел. Не раздумывая ни секунды, он отпустил в себе духа, чудовище, которое держал взаперти. Два прыжка вниз по обрыву, и вот он уже внизу, среди камней, подставляет руки, чтобы поймать ее.

Он ждал, что она в ужасе закричит, как только увидит его лицо, но, посмотрев, обнаружил, что глаза ее закрыты. Она лишилась чувств.

Лукан облегченно выдохнул. Он не задумывался ни о чем, кроме спасения девушки, но теперь, когда она была в его руках, нисколько не жалел об этом. Сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз обнимал женщину, и сейчас от ощущения ее мягкого тела, прижимающегося к нему, его естество мгновенно затвердело и воспылало страстью.

Дождь все лил и лил, но Лукан никак не мог оторвать глаз от ее прелестного лица, от нежного изгиба шеи и склоненной к нему головки.

– Проклятие, – проворчал он и запрыгнул обратно на скалу.

Лукан приземлился как можно мягче, чтобы не потревожить девушку, и обнаружил Куина, наблюдающего за ним сузившимися глазами, полными злобы и ненависти. За три сотни лет он уже привык к этому взгляду.

– Так-так, братец, – процедил тот сквозь зубы. – Что ты от нас скрываешь?

Лукан прошел мимо него и зашагал к замку под проливным дождем. Все вопросы потом.

Куин быстро нагнал его.

– Что, скажи на милость, ты делаешь? Ты не можешь принести ее в замок!

– Но и оставить здесь в такую погоду тоже не могу, – возразил Лукан. – Считаешь, что надо отнести ее в деревню? Она без сознания, и я не знаю, где она живет.

– Это ошибка, Лукан. Попомни мои слова.

Может, они и чудовища, но это вовсе не значит, что он должен вести себя как изверг. Слишком долго они прятались в замке, глядя на мир из окон своего разрушающегося дома. Это его единственный шанс сделать что-нибудь хорошее, и он не намерен его упустить.

«Особенно когда так приятно держать ее в своих руках».

Проклиная свое тело, Лукан усилием воли попытался пресечь все мысли о пышной женской груди, прижимающейся к нему, или исходящему от его ноши запаху вереска. Мокрая ткань платья облепляла тело как вторая кожа, предлагая его жадному взору затвердевшие соски.

Он сглотнул, желая сомкнуть губы вокруг крошечного бутона и втянуть плоть в рот. В паху у него напряглось, кровь вскипела, дрожь неукротимой жажды телесной любви прошла по телу.

... Пинком распахнув дверь замка, он вошел в большой холл. Фэллон, который лежал на скамье посреди зала, сел и вопросительно вскинул черную бровь.

– Лукан, я пьян, но не настолько, чтобы не заметить, что у тебя в руках женщина. Здесь. В замке. Что не дозволяется, должен добавить.

Лукан, не обращая внимания на слова брата, помчался по лестнице, перескакивая через две ступеньки, в свою комнату. Помещение – одно из немногих в довольно приличном состоянии, чтобы поместить туда девушку. Фэллон своей комнатой никогда не пользуется, а Куин разгромил свою во время одного из своих частых припадков ярости. Все остальные помещения в замке давно заброшены.

В них не было надобности.

Положив девушку на кровать, Лукан развел огонь в очаге, чтобы согреть ее, и попытался утихомирить свое не на шутку распалившееся тело. Неукротимая плотская жажда, вождление, которое он испытывал к ней, встревожило его. Когда он выпрямился, то не удивился, обнаружив Фэллона и Куина, которые стояли в дверях.

– Может, ее раздеть? – спросил старший брат, устремив взгляд на девушку. – Она, похоже, промокла насквозь.

– Да. – Но Лукан не собирался подвергать себя подобному испытанию. По крайней мере пока не укротит свою плоть. Руки его сжались в кулаки от одной лишь мысли о том, чтобы стащить мокрые тряпки с ее тела и насладиться зрелищем нежной кожи. Интересно, соски у нее такие же темные, как и волосы?

Младший брат шагнул вперед и удлинил свои когти:

– Я сниму с нее платье.

С молниеносной скоростью Лукан метнулся вперед и встал между ним и кроватью у противоположной стены. Девушка – его находка, он несет за нее ответственность. Если оставит ее Куину, тот с присущей ему яростью скорее всего разорвет ее на части, а Фэллон тут же забудет о ней, как только руки его сомкнутся вокруг горлышка очередной бутылки.

– Предоставьте ее мне, – твердо сказал Лукан.

Губы Куина растянулись в ухмылке.

– Все эти годы ты выговаривал мне за то, что я даю волю сидящему во мне духу. А ведь ты, брат, делаешь сейчас то же самое.

Фэллон провел ладонью по лицу и заморгал своими покрасневшими глазами.

– О чем ты толкуешь, Куин?

– Если бы ты время от времени просыхал хотя бы ненадолго, то понял бы, – огрызнулся тот.

Взгляд темно-зеленых глаз старшего брата, так похожих на отцовские, остановился на Куине.

– По мне, лучше уж пить, чем стать таким, как ты.

Младший брат рассмеялся глухим невеселым смехом.

– По крайней мере я знаю хотя бы, какой сегодня день. Скажи мне, Фэллон, ты помнишь, что было вчера? Нет, постой. Вчера было то же самое, что и позавчера, и неделю назад.

– А что делаешь ты, кроме того, что крушишь все, что строит Лукан? – В глазах Фэллона полыхнуло пламя, и мускул на скуле задергался от гнева. – Ты не в состоянии даже помочиться, чтобы не дать волю своему зверю.

Куин ухмыльнулся:

– Проверим?

– Хватит! – рявкнул Лукан, когда братья шагнули друг к другу. – Убирайтесь отсюда, если собрались драться.

Фэллон безрадостно усмехнулся:

– Ты же знаешь, что я пальцем его не трону.

– Совершенно верно, – презрительно бросил Куин. – Мы же не хотим, чтобы великий Фэллон Маклауд искушал своего духа.

Фэллон закрыл глаза и отвернулся, но Лукан успел заметить отчаяние во взгляде брата.

– Мы все носим свои проклятия, Куин. Оставь Фэллона в покое.

– Я сам в состоянии позаботиться о себе. – Старший брат решительно повернулся к Лукану. Потом перевел взгляд на девушку. – О чем ты только думал, притащив ее сюда? Знаешь ведь, что смертному в наши владения вход воспрещен.

Девушка на кровати пошевелилась, и все трое замерли, ожидая, что та вот-вот очнется. Когда она вновь затихла, Лукан облегченно выдохнул и махнул им, чтобы уходили.

– Я спущусь через минуту, – пообещал он.

Как только братья ушли, он стащил с нее промокшие башмаки. Надо было бы снять и платье, чтобы она не простудилась, но Лукан не доверял своему телу – или своим рукам, – что не поддадутся соблазну.

Ее изумительные каштановые волосы потемнели от дождя. Он убрал прилипшую к щеке прядь, и ему безумно захотелось продлить это восхитительное ощущение прикосновения к гладкой нежной коже. Лицо ее, красивое, без изъянов, с высоким лбом и тонкими, изящными чертами, зачаровывало его. И хотя Лукану довелось лишь на короткий миг заглянуть в ее глаза, широко раскрытые от страха, он помнил, что такого орехового цвета ему видеть еще не приходилось. А эти длинные густые черные ресницы, веерами лежащие на щеках.

Лукан не осмеливался дотронуться до женщины с того самого рокового дня почти триста лет назад. И вот теперь в его постели лежит незнакомка, настолько восхитительная, что у него обмирает сердце. Соблазн дотронуться до нее был слишком непреодолим, чтобы можно было устоять.

Он провел пальцем вниз по лицу к полным, пухлым губам незнакомки. Запах вереска окутал его. Ее запах. Боже, он уже забыл, какой мягкой может быть женская кожа, как сладостно она пахнет.

Не в силах остановить себя, он очертил большим пальцем рот. Как отчаянно ему хотелось наклониться и прильнуть губами к ее губам, скользнуть языком в рот и услышать стон удовольствия, вкусить райского наслаждения.

Пусть миновали столетия с тех пор, как он держал в своих руках женщину, но Лукан все еще помнил ощущение мягких грудей в его руках, вскрики наслаждения от слияния тел. Не смог забыть, как это приятно, когда женская ладонка гладит его плечи, когда пальцы ласкают его волосы.

Он помнил слишком многое и слишком хорошо.

Тело Лукана запульсировало от острого желания, когда он представил, как снимает с девушки одежду, накрывает ладонями груди и перекачивает соски между пальцами. Он

отшатнулся от нее, испугавшись, что уступит этой жажде, охватившей его. Тогда-то он и заметил, что губы ее начали синеть.

Лукан обозвал себя трижды дураком. Он-то, может, и бессмертный, но она уж точно нет. Он удлинил один из своих когтей и разрезал ее платье до талии. Стянув его с девушки, отшвырнул в сторону и поспешил снять мокрые чулки.

Руки его дрожали, когда соприкасались с кожей, именно такой шелковистой, какой он себе ее и представлял.

Рубашку он не тронул и протянул руку за одеялом. Потребовалась вся его сила воли, чтобы не сорвать с нее остатки одежды и не полюбоваться вдоволь изгибами роскошного тела.

Начав накрывать ее одеялом, он обратил внимание на сжатую в кулачок руку и свисающий из нее кожаный ремешок. Должно быть, это та вещица, за которой она побежала к обрыву. Он нахмурился, почувствовав какое-то знакомое убаюкивающее ощущение. Потребовалось несколько секунд, чтобы узнать в нем магию.

– Кто же ты? – пробормотал он.

Лукан позволил себе лишь один разок взглянуть на ее тело. Стройные ноги, крутые бедра, талия настолько тоненькая, что он мог обхватить ее двумя руками, и пышные груди с затвердевшими сосками.

Ладони и губы покалывало от стремления прикоснуться к ней.

Он проглотил это желание, бушующее у него в крови. Плоть напряглась в сладком предвкушении, но Лукан не собирался уступать. Не мог. Он укутал ее в одеяло и повернулся, чтобы уходить. Девушка была в опасности, и он спас ее.

Вот и все.

И ничего больше.

Глава 2

Лукан стоял, повернувшись к очагу в большом холле. Им не требовалось тепло огня, но Фэллону нравилось напоминание о том, какой была их жизнь до того, как все изменилось.

Оранжево-красное пламя пожирало дерево, как злой дух Куина. Лукан потер ладонью челюсть и вздохнул. У него есть женщина. В замке. Это против всех установленных ими правил, но, да простит ему Бог, он не жалеет об этом. Несмотря на то, кто он есть, что внутри его, он по-прежнему мужчина. Разве не так?

– Лукан, очнись!

Он вздрогнул при звуке голоса Фэллона.

– Я думал, ты отключился.

– Еще нет. – Старший брат всегда был самым серьезным из них, но по крайней мере еще не разучился улыбаться. Когда-то в его зеленых глазах мерцали искры смеха и надежды. Теперь во взгляде не было ничего, кроме пустоты. Как же Лукану хотелось, чтобы Фэллон нашел средство, которое искал, но, обнаружив, что невозможно изменить то, что было с ними сделано, старший брат утратил всякую надежду.

– Расскажи ему, – проскрипел Куин, появившись из кухни.

Лукан вздохнул и повернулся к братьям. Когда-то большой зал замка Маклаудов был полон людей. Канделябры давали яркий свет, а оружие предков и роскошные гобелены украшали стены. Все, что осталось от него теперь, – это грубо сколоченный стол с двумя скамьями и тремя стульями, сбитыми им самим, которые сейчас стояли перед очагом.

Сделав замок своим обиталищем, они с Фэллоном починили крышу, чтобы их не заливал дождь. Но это было еще до того, как старший брат пристрастился к выпивке. Лукан посмотрел на него и в который раз горько пожалел о том, что ничем не может ему помочь. Да и всем им!

Лицо Куина потемнело, кожа сделалась черной, когда дух внутри его стал рваться на свободу.

– Расскажи ему!

– Бога ради, Лукан, не молчи, – устало пробормотал Фэллон и взъерошил рукой свои и без того растрепанные волосы. Раньше они отливали на солнце золотом. Теперь у них был тот же темно-каштановый цвет, что и у их матери, а глаза у старшего брата зеленые, как у отца, но немного темнее.

Лукан выдохнул.

– Я выпустил своего духа.

Если что и могло прояснить сознание Фэллона, так как раз эти слова. Братья уже давно узнали, что злой дух, живущий в них, готов на все, чтобы освободиться, и гнев лишь делает его еще сильнее. Они не в состоянии контролировать себя, когда он выпущен на волю, и именно по этой причине, помимо многих прочих, Фэллон и запил.

Лукан же всегда хотел владеть собой, держать себя в руках. Десятилетиями он учился управлять духом, подчинять его своей воле. Это оказалось значительно труднее, чем он представлял, и много раз средний брат почти сдавался и искал утешения в бутылке, как Фэллон. Только любовь братьев и его собственная потребность все наладить побуждала продолжать. День, когда он узнал, что может управлять собой – и когда выпускает духа, и когда держит в себе, – был воистину счастливым.

Но он не смог рассказать о своем открытии братьям.

Фэллон сел и отодвинул в сторону бутылку вина.

– Зачем ты так поступил?

– Девушка разбилась бы насмерть. У меня не было выбора.